

**ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Александр
ДЮМА

ТРИ МУШКЕТЕРА

Роман

Харьков
«Фолио»
2017

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА,

*в котором поясняется, что герои нашей повести,
которую мы будем иметь честь рассказать
нашим читателям, не имеют никакого
отношения к героям древних мифов,
хотя имена их и оканчиваются
на «ос» и «ис»*

Около года тому назад, занимаясь в Королевской библиотеке исследованиями для моей книги о Людовике XIV, я случайно обнаружил «Мемуары г-на д'Артаньяна», изданные — как и большинство сочинений того времени, когда авторы стремились говорить правду и при этом не испытывали ни малейшего желания оказаться в числе более или менее постоянных клиентов Бастилии, — в Амстердаме, у Пьера Ружа. Заглавие настолько понравилось мне, что я унес эту книгу домой, разумеется, с позволения хранителя библиотеки, и с нетерпением погружился в чтение.

В мои намерения не входит подробный анализ этого любопытного произведения, я лишь обращаю на него внимание тех моих читателей, которые находят удовольствие в созерцании картин прошлых лет. В этом сочинении они найдут мастерски изображенные портреты людей той эпохи, и, хотя эти наброски в большинстве своем сделаны в помещениях казарм и в стенах питейных заведений, читатели тем не менее узнают в них Людовика XIII¹, Анну Австрийскую², Ришелье³,

---

¹ Людовик XIII (1601—1643) — сын Генриха VI и Марии Медичи, французский король с 1610 года.

² Анна Австрийская (1601—1666) — французская королева, жена Людовика XIII с 1615 года.

³ Ришелье (1585—1642) — Армак Жан дю Плесси, кардинал; будучи с 1624 г. первым министром Людовика XIII, фактически управлял Францией.

Мазарини¹ и большинство придворных того времени. Изображения столь же верные, как в сочинениях г-на Анкетилья².

Однако, как известно, иной раз воображение писателя поражает то, что не производит абсолютно никакого впечатления на массового читателя. И так, восхищаясь, как, несомненно, будут восхищаться и наши читатели, уже отмеченными нами особенностями мемуаров, мы заинтересовались одним обстоятельством, на которое никто до нас наверняка не обратил ни малейшего внимания.

Д'Артаньян рассказывает, что, когда он впервые явился к капитану королевских мушкетеров г-ну де Тревилю, он встретил в его приемной трех молодых людей, служивших в том знаменитом полку, куда он сам добивался чести быть зачисленным, и что их звали Атос, Портос и Арамис.

Надо признаться, что нас удивили эти странные имена и нам тотчас пришло на ум, что это всего лишь псевдонимы, под которыми д'Артаньян скрыл имена, быть может, известные, если только обладатели этих прозвищ не выбрали их сами в тот день, когда по прихоти, с досады или же в силу стесненных финансовых обстоятельств они надели простой плащ мушкетера.

С тех пор мы потеряли покой, разыскивая в сочинениях современников хоть какой-нибудь след этих необыкновенных имен, которые так заинтересовали нас.

Один только перечень книг, прочитанных нами с этой целью, составил бы целую главу, что, вероятно, пополнило бы багаж знаний наших читателей, но вряд ли было бы занимательно. Поэтому мы ограничимся

---

¹ Мазарини Джулио (1602—1661) — кардинал, преемник Ришелье на посту первого министра Франции.

² Аббат Анкетиль (1723—1806) — аббат, автор многотомной истории Франции.

тем, что скажем нашим читателям, что в ту минуту, когда, отчаявшись в результате этих бесплодных поисков, мы уже решили оставить наши исследования, наконец нашли, руководствуясь советами нашего знаменитого и ученого друга Полена Париса¹, рукопись in-folio, помеченную № 4772 или 4773, не помним точно, и озаглавленную:

«Воспоминания графа де Ла Фер о некоторых событиях, которые произошли во Франции к концу правления короля Людовика XIII и в начале царствования короля Людовика XIV».

Нашим читателям остается только догадываться, сколь велика была наша радость, когда, листая эту рукопись, нашу последнюю надежду, мы обнаружили на двадцатой странице имя Атоса, на двадцать седьмой — Портоса, а на тридцать первой — упоминание об Арамисе.

Находка совершенно неизвестной рукописи в такое время, когда историческая наука достигла столь высокой степени развития, показалась нам почти что чудом. Мы поспешили испросить разрешения напечатать ее, чтобы явиться когда-нибудь с чужим багажом в Академию Надписей и Изящной Словесности, если нам не удастся — что весьма вероятно — быть принятыми во Французскую академию со своим собственным.

Должны сказать вам, что это разрешение было нам любезно дано, о чем мы и свидетельствуем здесь, чтобы публично опровергнуть утверждения недоброжелателей, заявляющих, будто наше правительство не проявляет особого внимания к нуждам литераторов.

Итак, вернув подобающее ей заглавие, мы представляем на суд наших читателей первую часть этой

---

¹ *Полен Парис* (1800—1881) — французский ученый, занимавшийся исследованиями в области средневековой литературы Франции.

драгоценной рукописи, и обязуемся, если — в чем мы не сомневаемся — эта первая часть будет иметь заслуженный успех, немедленно опубликовать и вторую.

В ожидании откликов на наше начинание, и поскольку крестный отец является вторым отцом, мы предлагаем читателя видеть в нас, а не в графе де Ла Фер источник своего удовольствия или скуки.

Завершив наше предисловие, мы переходим непосредственно к нашему повествованию.

I

ТРИ ДАРА Г-НА Д'АРТАНЬЯНА-ОТЦА

В первый понедельник апреля 1625 года небольшой городок Менг, родина автора «Романа о розе»¹, бурлил так, словно гугеноты² собирались сделать из него вторую Ла-Рошель³. Большинство горожан, видя женщин, бегущих в сторону Главной улицы, и слыша плач детей, доносившийся с порога домов, торопливо облачались в доспехи и, стремясь компенсировать недостаток мужества, вооружались мушкетами и бердышами. Подготовившись подобным образом, они устремлялись к гостинице «Вольный мельник», перед которой, увеличиваясь с каждой минутой, росла плотная и шумная толпа любопытных.

В те времена такие волнения были явлением довольно распространенным, и лишь в редкий день тот или иной город не мог занести в свои летописи запись о подобном событии. Знатные господа сражались друг с другом, король воевал с кардиналом, испанцы вели войну с королем. Но, помимо этих военных конфликтов — то тайных, то явных, то исподволь тлеющих, то яростно разгорающихся, — были еще и грабители, и нищие, и гугеноты, бродяги и слуги, которые воевали со всеми. Горожане всегда выступали против грабителей, бродяг, слуг, нередко — против феодалов и гугенотов, время от времени — против короля, но против кардинала или ис-

---

¹ «Роман о розе» — знаменитая средневековая поэма (XIII век). Поэма начата Гильомом де Лоррисом, а вторая часть написана Жаном Клопинелем, который был родом из Менга.

² Гугеноты — сторонники кальвинистской (протестантской) религии во Франции.

³ Ла-Рошель — город на берегу Атлантического океана, оплот гугенотов.

панцев — никогда. Именно в силу этой устоявшейся привычки в вышеупомянутый первый понедельник апреля 1625 года горожане, услышав шум и не узрев ни желто-красных знамен, ни мундиров сторонников герцога де Ришелье, устремились к гостинице «Вольный мельник».

И только прибыв на место, они выясняли причину суматохи.

Молодой человек... Набросаем его портрет несколькими росчерками пера: представьте себе Дон Кихота в восемнадцать лет, Дон Кихота без доспехов, без лат и набедренников, в шерстяной куртке, синий цвет которой приобрел своеобразный оттенок — нечто среднее между рыжим и лазорево-голубым. Продолговатое смуглое лицо, выдающиеся скулы — признак хитрости, мышцы челюсти чрезмерно развитые — признак, по которому можно безошибочно определить гасконца¹, даже если на нем нет берета, — а наш молодой человек был в берете, украшенном неким подобием пера; взгляд открытый и умный; нос крючковатый, но тонко очерченный. Молодой гасконец был слишком высок для юноши, но недостаточно — для зрелого мужчины. С точки зрения несведущего человека, он скорее походил на странствующего отпрыска какого-нибудь фермера, если бы не длинная шпага на кожаной портупее, бившая по ногам своего владельца, когда он шел пешком, и бороздившая редкую взъерошенную шерсть его коня, когда он ехал верхом.

У нашего молодого человека была лошадь столь примечательная, что на нее тут же все обратили внимание. Это была беарнская² лошадка желтоватого окраса лет двенадцати или четырнадцати от роду, хвост которой давно облез, а ноги были щедро усыпаны болезненными наростами. Хоть и шагал этот конь, опустив морду ниже колен, что делало бесполезным наличие узды, он был способен преодолеть за день расстояние в восемь лье. К несчастью, это несомненное достоинство настолько затмевалось его нелепым вышагиванием и странным окрасом, что в те годы, когда все разбирались в лошадях, появление вышеупомянутой лошадки в Менге, куда она вступила с четверть часа назад через ворота Божанси, произвело довольно гнетущее впечатление. Гнетущее настолько, что его тяжесть почувствовал и сам всадник.

Тяжесть сия была тем более невыносима для молодого д'Артаньяна (так звали нашего Дон Кихота, оседлавшего этого нового

---

¹ Гасконь — область на юге Франции.

² Беарн — область на юге Франции.

— Отлично, Планше, ты король лакеев! А теперь садись на лошадь и давай догоним карету.

Это заняло немного времени. Через пять минут они увидели карету, остановившуюся на обочине; богато одетый всадник гарцевал на лошади у дверцы.

Миледи и всадник были так увлечены разговором, что, когда д'Артаньян остановился по другую сторону кареты, никто, кроме хорошенькой служанки, не заметил его присутствия.

Разговор происходил на английском языке, которого д'Артаньян не знал, но по тону молодой человек понял, что прекрасная англичанка сильно разгневана; ее заключительный жест не оставлял никаких сомнений насчет характера разговора: она так резко раскрыла свой веер, что маленькая дамская безделушка разлетелась на тысячу кусков.

Всадник разразился смехом, что, по-видимому, еще сильнее рассердило миледи.

Д'Артаньян решил, что настала пора вмешаться; он подъехал к другой дверце и почтительно снял шляпу.

— Сударыня, — сказал он, — позвольте мне предложить вам свои услуги. Мне кажется, что этот всадник вызвал ваше неудовольствие. Скажите одно слово, и я берусь наказать его за недостаток учтивости!

При первых словах д'Артаньяна миледи с удивлением обернулась в его сторону.

— Сударь, — ответила она на отличном французском языке, когда молодой человек закончил свою тираду, — я бы охотно воспользовалась вашими услугами, если б человек, который спорит со мной, не был моим братом.

— О, в таком случае простите меня! — произнес д'Артаньян. — Как вы понимаете, сударыня, я этого не знал.

— С какой стати этот ветрогон вмешивается не в свое дело? — вскричал, нагибаясь к дверце, всадник, которого миледи назвала своим родственником. — Почему он не едет своей дорогой?

— Сами вы ветрогон! — ответил д'Артаньян, в свою очередь пригибаясь к шее лошади и отвечая со стороны той дверцы, возле которой он стоял. — Я не еду своей дорогой потому, что мне угодно было остановиться здесь.

Всадник сказал своей сестре несколько слов по-английски.

— Я говорю с вами по-французски, — заявил д'Артаньян, — будьте любезны отвечать мне на том же языке. Вы брат этой дамы — отлично, пусть так, но мне вы, к счастью, не брат.

Можно было ожидать, что миледи, со свойственной ее полу боязливостью, вмешается, чтобы предотвратить начинавшуюся ссору и не дать ей зайти слишком далеко, но она, напротив, откинулась в глубь кареты и спокойно приказала кучеру:

— Домой.

Хорошенькая служанка метнула тревожный взгляд на д'Артаньяна, красивая внешность которого, видимо, произвела на нее впечатление.

Карета укатила и оставила мужчин друг против друга: никакое осязаемое препятствие больше не разделяло их.

Всадник сделал было движение, чтобы последовать за каретой, но д'Артаньян, чей гнев вспыхнул с новой силой, поскольку он узнал в незнакомце того самого англичанина, который выиграл у него в Амьене лошадь и едва не выиграл у Атоса бриллиант, рванул за повод и остановил его.

— Эй, сударь, — произнес он, — вы, кажется, еще больший ветрогон, чем я: уж не забыли ли вы, что между нами завязалась небольшая ссора?

— Ах это вы, сударь! — сказал англичанин. — Вы, как видно, постоянно играете — не в одну игру, так в другую?

— Да. И вы напомнили мне, что я еще должен отыграться. Посмотрим, милейший, владеете ли вы шпагой так же ловко, как и стаканчиком с костями!

— Вы прекрасно видите, что при мне нет шпаги, — заметил англичанин. — Или вам угодно разыгрывать храбреца перед безоружным человеком?

— Надеюсь, дома у вас есть шпага, — предположил д'Артаньян. — Так или иначе, у меня есть две, и, если хотите, я проиграю вам одну из них.

— Это лишнее, — возразил англичанин, — у меня имеется достаточное количество подобной утвари.

— Прекрасно, достопочтенный кавалер! — ответил д'Артаньян. — Выберите же самую длинную и покажите мне ее сегодня вечером.

— Где вам будет угодно взглянуть на нее?

— За Люксембургским дворцом. Это прекрасное место для такого рода прогулок.

— Хорошо, я там буду.

— Когда?

— В шесть часов.

— Кстати, у вас, вероятно, найдется один или два друга?

— У меня их трое, и все они сочтут за честь составить мне партию.

— Трое? Чудесно! Какое совпадение! — заявил д'Артаньян. — Ровно столько же и у меня.

— Теперь скажите мне, кто вы? — спросил англичанин.

— Я д'Артаньян, гасконский дворянин, гвардеец роты господина Дезэссара. А вы?

— Я лорд Винтер, барон Шеффилд.

— Отлично! Я ваш покорный слуга, господин барон, — сказал д'Артаньян, — хотя у вас очень трудное имя.

Затем, прищпорив лошадь, он пустил ее галопом и поскакал обратно в Париж.

Как всегда в подобных случаях, д'Артаньян заехал прямо к Атосу.

Атос лежал на длинной кушетке в ожидании, как он сам выразился, своей экипировки.

Д'Артаньян рассказал ему обо всем случившемся, умолчав лишь о письме к де Варду.

Атос пришел в восторг, узнав, что драться ему предстоит с англичанином. Мы уже говорили, что он мечтал об этом.

Друзья сейчас же послали слуг за Портосом и Арамисом и посвятили их в то, что случилось.

Портос вынул шпагу из ножен и начал наносить удары стене, время от времени отскакивая и делая плахе, как танцор. Арамис, все еще трудившийся над своей поэмой, заперся в кабинете Атоса и попросил не беспокоить его до часа дуэли.

Атос знаком потребовал у Гримо бутылку.

Что же касается д'Артаньяна, то он обдумывал про себя один небольшой план, осуществление которого мы увидим в дальнейшем и который, видимо, обещал ему какое-то приятное приключение, если судить по улыбке, мелькавшей на его губах и освещавшей его мечтательное лицо.